

Оригинальная исследовательская статья / Research article

Динамика субъектности участников социально-психологического тренинга подготовки к восстановлению дееспособности: анализ интервью

М. Е. Сиснева

Центр лечебной педагогики «Особое детство». Москва, Россия

АННОТАЦИЯ Реализация прав и интересов людей с психическими расстройствами — важный аспект их благополучия и качества жизни. При этом вопросы их субъектности и самоопределения остаются недостаточно изученными. Описание феномена «развития субъектности» в контексте восстановления дееспособности может расширить научные знания в этой области. Для изучения данного феномена проведена исследовательская работа по анализу интервью респондентов с психическими расстройствами и инвалидностью после участия в социально-психологическом тренинге подготовки к восстановлению дееспособности и прохождения судебных процессов. В исследовании участвовали 15 респондентов в возрасте от 24 до 69 лет с расстройствами шизофренического спектра и интеллектуальными нарушениями, проживающие в социальных стационарах психоневрологического профиля, проектах сопровождаемого проживания инвалидов и дома с родственниками. Респонденты прошли социально-психологический тренинг в 2023 г. Их судебные процессы завершены. Для качественного анализа эффективности тренинга был использован метод глубинного интервью. Полученные материалы позволили выделить и описать динамику развития субъектности информантов. До участия в тренинге и судебных процессах респонденты проявляли субъектность разного уровня: от активной позиции до полной зависимости от чужих решений. Поддержка наставников способствовала раскрытию их потенциала. Фрустрирующие факторы усиливали стремление к восстановлению дееспособности и участию в тренинге. Результаты судебных процессов значительно влияли на субъектность: положительные заключения привели к присвоению способности быть субъектом решений и деятельности, а отказы побуждали респондентов к защите прав. У восстановивших дееспособность участников наблюдались проявления рефлексии, саморегуляции, осознанности, уверенности в себе, стремления к развитию. Некоторые респонденты связывали изменения с полученной поддержкой и участием в тренинге. У получивших судебные отказы участников рефлексия носила искаженный характер. Самодетерминация и способность быть автором жизненных изменений проявились после восстановления дееспособности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА психические расстройства, субъектность, дееспособность, глубинное интервью

ССЫЛКА ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Сиснева, М. Е. (2025). Динамика субъектности участников социально-психологического тренинга подготовки к восстановлению дееспособности: анализ интервью. *Образовательная политика*, 22(3),

БЛАГОДАРНОСТИ работа проведена при поддержке ПАО «Сбербанк» (проект «Научно-методический центр») и Фонда президентских грантов.

© Сиснева М. Е., 2025

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4 License.
The content is available under
a Creative Commons Attribution 4 License.

Поступила: 20.09.2025
Принята: 26.09.2026
Дата публикации: 30.10.2025

Мария Евгеньевна СИСНЕВА

эксперт, региональная благотворительная общественная организация
«Центр лечебной педагогики “Особое детство”»,
АНО ДПО ЭМЦ «Особое детство»;
клинический психолог
(119435, РФ, Москва, Большой Саввинский пер., 12/16),
<https://orcid.org/0000-0003-0144-5792>,
e-mail: msisneva@yandex.ru

Введение

Возможность реализации своих прав и интересов имеет решающее значение для благополучия человека. С момента принятия Конвенции о правах инвалидов в медицинских, правозащитных и общественных кругах продолжают дискуссии о мерах по осуществлению правоспособности граждан с психическими расстройствами и инвалидностью. Подчеркивается необходимость их участия в принятии и исполнении жизненно важных решений (Francis et al., 2024).

С 2016 г. специалисты РБОО «Центр лечебной педагогики» проводят социально-психологический тренинг «Подготовка недееспособных граждан к восстановлению дееспособности или ограниченной дееспособности», ориентированный на формирование необходимых знаний о совершении юридически значимых действий, развитие осознанности и мотивационной направленности к достижению жизненных целей. Частью комплексной оценки эффективности тренинга стал анализ обратной связи, полученной от его участников 2023 г. Все интервьюеры были впечатлены феноменом, который они назвали «развитием субъектности респондентов», а именно — значительным усилением личностного компонента их деятельностных способностей после завершения судебных процессов по восстановлению дееспособности. Феномен описан и осмысляется в статье. Анализ эффективности тренинга с применением количественных методик запланирован на конец 2025 г.

Субъектность и дееспособность

Субъектность и дееспособность — два важных концепта, характеризующих человека как индивида. Термин «субъектность» впервые

был введен А. Н. Леонтьевым (2005) как совокупность качеств личности, отражающих ее деятельностные способности и возможности самоопределения. Субъектность имеет большое значение в философии, психологии и социальной теории. На важность продвижения индивида по вектору субъектности указывает В. К. Зарецкий (2024) в многовекторной модели зоны ближайшего развития. Наиболее точным аналогом субъектности в работах иностранных авторов является термин агенсу, обозначающий способность человека быть активным агентом (субъектом) принятия решений и осуществления действий (Barker, 2005). Анализ российских и зарубежных подходов к пониманию субъектности позволил выделить ее часто встречающиеся характеристики:

самоопределение (Леонтьев, 2005; Рубинштейн, 1986; Слободчиков, 2010; Bandura, 2001; Ryan & Deci, 2017), способность производить изменения в себе и мире (Рубинштейн, 1986; Слободчиков, 2010; Bronfenbrenner,

2009), осмысленность деятельности (Асмолов, 1996; Powers, 1998; Vallacher & Wegner, 1989), рефлексия и основанная на ней саморегуляция (Рубинштейн, 1986; Слободчиков, 2010; Bandura, 2001; Powers, 1998). При этом субъектность не является некой автономной внутренней сущностью, она развивается во взаимоотношениях индивида с другими и миром. Критические и деконструктивистские теории отказываются от определения основных характеристик субъектности, фокусируясь на том, как субъектность формируется, а не на том, чем она является (Батлер, 2002; Фуко, 1996). В современных исследованиях субъектность часто рассматривается относительно какой-либо сферы человеческой деятельности или ее основных аспектов (Глазунова & Глебова, 2024; Панова & Плаксина, 2023).

Начиная с середины XX в. проблемы субъектности людей, страдающих психическими расстройствами, привлекают внимание ученых и общественных активистов.

Идеи М. Фуко о власти, дискурсе и безумии раскрыли понимание того, как общественные структуры ограничивают свободу воли людей, определяемых ими как психически больные (Фуко, 1997). Субъективация индивида не свободна от дискурса, поэтому субъектность психически больных во многом формируется системой применяемых к ним доминирующих значений. И. Гоффман представил анализ способов, с помощью которых тотальные институции, такие как психиатрические больницы, могут лишать людей самоопределения и контролировать «моральную карьеру пациента»: прогресс в такой «карьере» заключается в конформном поведении, отречении от индивидуальности и принятии системной идентичности. Это может помочь выйти из тотальной институции, но не стать свободной личностью (Николаев, 2001). Т. Сас (2008) рассматривал психическое заболевание как миф, а недобровольное психиатрическое лечение как форму социального контроля. Его работы акцентируют внимание на индивидуальной свободе людей с психическими расстройствами и их праве делать собственный выбор, пусть и воспринимаемый как нетрадиционный.

Дееспособность — это способность самостоятельно приобретать и осуществлять права и обязанности (ст. 21 ГК РФ¹). Если из-за психического расстройства человек не может понимать или контролировать свои действия, суд признает его недееспособным и устанавливает опеку. Лицо, признанное недееспособным вследствие психического расстройства, в значительной мере ограничено в правах принимать собственные решения относительно юридически значимых действий и реализовывать их самостоятельно. При частичном восстановлении способностей гражданина понимать значение своих действий и руководить ими суд признает его ограниченно дееспособным и назначает над ним опеку. При полном восстановлении дееспособности опека отменяется (ст. 29,

30 ГК РФ^{2,3}). Для определения степени дееспособности человека суд назначает судебно-психиатрическую экспертизу. Существуют концепции и исследования, связывающие субъектность и социально-правовой контекст. Представители движения *recovery* выделяют расширение прав и возможностей людей с психическими расстройствами как важный фактор их личностно-социального восстановления (Melillo et al., 2025). Терапевтическая юриспруденция подчеркивает роль закона в достижении позитивных и исцеляющих результатов для людей с психическими заболеваниями. Закон может поддерживать активность и свободу личности, гарантируя, что юридические процессы будут справедливыми, понятными и уважающими личную автономию (Howieson, 2023). М. Rowe (2015) предложил концепцию «гражданской принадлежности» (*citizenship*) — прочной связи человека с правами, обязанностями, ролями, ресурсами и отношениями, включая чувство принадлежности, которое дается ему другими. Гражданская принадлежность способствует развитию субъектности и социальной включенности людей с психическими расстройствами. А. А. Сидоренко (2022) проанализировала динамику субъектной позиции недееспособного жителя социального учреждения в рамках реабилитации, основанной на рефлексивно-деятельностном подходе и направленной на восстановление дееспособности. Результаты мотивационного тренинга, проведенного с резидентами социальных стационаров психоневрологического профиля, показали, что развитие их самоэффективности и конструктивной активности способствовало прогрессивным жизненным изменениям, в том числе восстановлению дееспособности (Таккуева, 2023). Основная тенденция в современных исследованиях дееспособности и агентности

людей с психическими расстройствами подчеркивает важность перехода от режима замещающих решений (когда от лица человека с психическим расстройством действует опекун) к модели принятия решений с поддержкой попечителя, наставника или сообщества (Francis et al., 2024; Mahomed et al., 2022). Эта модель создает условия для того, чтобы человек мог выступать субъектом решений и действий, получая необходимую помощь для компенсации дефицитов и снижения рисков.

Материалы и методы

Описание выборки. Группа респондентов-участников тренинга 2023 г., чьи судебные процессы были завершены к моменту проведения интервью, включала 8 мужчин и 7 женщин из 5 регионов России, возрастом 24–69 лет, с инвалидностью II группы вследствие психического расстройства (6 человек — расстройства шизофренического спектра, 9 — умеренная умственная отсталость). Участники имели разный уровень образования и разную длительность проживания в социальных стационарах психоневрологического профиля (от 1,5 до 36 лет). Во время тренинга 7 человек проживали в стационарных учреждениях, 6 — в проектах учебного сопровождаемого проживания инвалидов, 2 вышли из учреждений под опеку родственников. При этом 3 участника не работали, 7 были включены в программы сопровождаемой трудовой деятельности инвалидов, 3 находились в интернатах, 2 вышли на открытый рынок труда. Большинство участников (13 из 15) восстановили дееспособность или ограниченную дееспособность в течение года после завершения тренинга.

Процедура исследования. Проведен тематический анализ на основе качественного метода социологического исследования — глубинного интервью.

Совместно со специалистами «Международной лаборатории исследований социальной интеграции» НИУ ВШЭ разработано интервью из 12 вопросов в упрощенных формулировках, учитывающих интеллектуальные затруднения и ограниченность социального опыта респондентов. Вопросы касались мотивации к участию в тренинге, оценки его содействия в достижении цели (восстановлении дееспособности), изменений в жизни участников. Было подготовлено 7 интервьюеров — социологов, психологов-консультантов, клинических психологов. Добровольное анонимное интервьюирование проводилось онлайн, с записью и последующей расшифровкой. Приводятся цитаты из интервью (выделены курсивом). Респонденты обозначены псевдонимами.

Анализ динамики субъектности участников тренинга
Первая встреча интервьюеров с проявлениями субъектности респондентов в контексте принимаемых ими жизненных решений

произошла при ответе на вопрос: «Как вы попали на тренинг?». При анализе было выделено 3 смысловых конструкта, характеризующих субъектность информантов при принятии решения об участии в тренинге.

1. Активное проявление субъектности (5 респондентов): опора на собственные устремления и ценности, четкая постановка цели, осуществление самостоятельных шагов для ее реализации. Евгений (30 лет): *«Мне хотелось колоссально поменять свою жизнь... ну, или хотя бы немножко попробовать чего-то добиться, чтобы потом не жалеть, что жизнь прожита зря. Чтобы потом люди не говорили, что тебе все подавали. Нет, я так не хочу! Я хочу двигаться, хочу чего-то добиться самому — это приятно и дает мотивацию жить дальше, а не жалеть себя. Просто сидеть и жалеть — это глупо. Тем более что многие из моих друзей уже получили ограниченную дееспособность. И мне тоже хотелось попытаться. Поэтому я решил пойти на тренинг».*

1 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). Ст. 21. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/9e6e097ccc381775641f6a57435aa14a854c504c/

2 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). Ст. 29. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/97405e31b8cb1f1e528d52e98e8e60a7a2da9dea/

3 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025). Ст. 30. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/a7eba7d96ab59aedad870b2adf2bba34dcc30c3e/

2. Объект чужого решения или подавленная субъектность (4): речь информантов только в пассивном залоге. Решение об их участии в тренинге приняли сотрудники социальных учреждений. Собственные мотивы участников не прояснены. Петр (47 лет): *«Меня на этот тренинг послали в благотворительном фонде. Хотя я был недееспособный, но меня от интерната в фонд посылали зачем-то разговаривать о возможностях взаимодействия. И вот оттуда меня записали на этот тренинг. Сам я не проявлял инициативы».*

3. Раскрытие субъектности благодаря поддержке другого — наставника, «компетентного взрослого» (6): у респондентов было сформировано внутреннее намерение изменить свою жизнь, однако оно могло остаться не озвученным и не реализованным, если бы не поддержка заинтересованных сотрудников проектов учебного сопровождаемого проживания. Анна, 41 год: *«Руководитель программы предложила мне пройти тренинг, и я согласилась. Она считала, что я могу претендовать на ограниченную, а может быть, и на полную дееспособность. А я ведь и сама тоже этого хотела! Но точно не знала, что для этого нужно, что следует делать. Поэтому, когда мне предложили тренинг, я очень обрадовалась и сразу согласилась».*

Несколько респондентов указали на роль фрустрирующих факторов, которые подтолкнули их к принятию решения о восстановлении дееспособности и участию в тренинге. Таисия (43 года): *«Я никак не могу свыкнуться с тем, что я уже почти 7 лет здесь, в интернате. Мне здесь неуютно, некомфортно, нет родных близости. Я скована в своих действиях. Во всем мне надо спрашивать разрешения. Я не свободна <...> Поэтому мне необходимо было повысить свой статус. О тренинге я узнала от сотрудницы нашего интерната. И решила участвовать».*

Совсем иначе проявила себя субъектность респондентов в ответах на завершающий вопрос интервью: «Как на вас повлияло решение суда?». Отмечена общая тенденция к ее усилению, что выразилось в постановке целей, осуществлению выбора, принятию и реализации решений, развитию рефлексии. Участники с радостью делились результатами,

которых добились как авторы жизненных изменений. Яркие проявления субъектности отмечены у всех 13 респондентов, получивших положительные решения судов. Обнаружены 3 значимых смысловых конструкта:

1. Обретение автономии через присвоение способности принимать и осуществлять решения. Если раньше самостоятельность выступала как цель, а восстановление дееспособности — как средство для ее достижения, то теперь она рассматривается информантами как интериоризованная способность быть субъектами решений и деятельности. Жизненная активность респондентов также проявляется в помощи другим. Антон (43 года): *«Я смог самостоятельно выходить из интерната, в город стал ездить к своей семье. Мама тяжело болела, а я работал в интернате, потихоньку стал ей помогать деньгами. Потом смог найти работу в городе. Зарегистрировался на «Авито» и сам себе работу нашел! У меня зарплата 70 тысяч! Всю пенсию я откладываю. А теперь решил каждый месяц и от зарплаты откладывать. У меня есть мечта домик купить в Ивановской области».*

2. Избавление от гнетущего чувства стесненности ограничениями, открытие новых жизненных перспектив. Респонденты отмечают ощущение начала новой жизни: восстановление дееспособности отделило их от несвободы и зависимости, они с оптимизмом строят жизненные планы. Алиса (38 лет): *«Если человек недееспособен, он зависим. Если закончится проект сопровождаемого проживания, то куда ему? Только обратно в интернат! Я очень этого боялась и поэтому очень переживала. Но все закончилось хорошо! У меня есть ограниченная дееспособность! И я уже смотрю в сторону полной дееспособности. На это нужно время, но я чувствую себя спокойно и уверенно».*

3. Осмысление жизненных выборов и планов. Респонденты рефлексируют, прислушиваются к мнению других, анализируют допущенные ошибки и раздумывают о том, как разумнее строить жизнь. Андрей (32 года): *«Я решил узаконить свои отношения с девушкой, решил жениться. Но детей мы пока не планируем. Способны ли мы дать ребенку защиту, позаботиться о нем в полной мере? Если*

случится обострение, кому ребенка оставить? Она колеблется, а я на своем настаиваю. У нас обеих проблемы есть. Нет двухкомнатного жилья, но в первую очередь — заболевание».

Исследование А. Н. Поддьякова (2006) о парадоксальном влиянии социального противодействия на развитие послужило теоретической основой для интерпретации результатов анализа изменений субъектности двух участников тренинга, получивших отказы судов. Данные интервью свидетельствуют о том, что отказ также способствовал активизации субъектности респондентов, выразившейся в стремлении к защите прав и инициации действий, направленных на обжалование судебного решения и отстаивание собственной позиции. Наблюдается переход от пассивного принятия ситуации к активному противодействию негативному результату. Виталий (69 лет): *«Мне сильно обидно стало! И я взял и написал заявление на апелляцию. Но причин принять мою апелляцию Мосгорсуд не нашел. Оставил в силе решение суда. А еще было очень обидно читать свою экспертизу. Там такие вещи про меня были написаны... не хочу даже повторять! Но я себя таким никогда не чувствовал и не считаю!».*

Задавшись вопросом, какие аспекты могли положительно повлиять на раскрытие субъектности информантов в течение 6–12 месяцев с начала тренинга и до завершения судебных дел, исследователи проанализировали ответы на другие вопросы интервью: чем помог тренинг, как прошли судебно-психиатрические экспертизы и судебные процессы и др. В ответах всех респондентов, которые получили положительные решения судов, обращают на себя внимание проявления следующих качеств:

1. Рефлексия. Владимир (41 год): *«Самый трудный был для меня момент — это то, что надо объяснить экспертам и, может быть,*

даже самому себе, что я не являюсь человеком полностью здоровым, но в то же время я считаю, что я вправе осуществлять свои гражданские права, и прошу меня повысить в этом статусе».

2. Способность к саморегуляции. Андрей (32 года): *«Мне помогло унять волнение на экспертизе дыхательное упражнение. Нас ведущая тренинга научила. Еще я переключал внимание на предметы, воду пил, чтобы успокоиться и быть более уверенным».*

3. Осознанность/осмысленность. Евгений (30 лет): *«На тренинге я понял, что комиссии надо отвечать спокойно и уравновешенно.*

Самое главное было отвечать так, как есть. То есть не надо преувеличивать, чтобы тебя не сочли сумасшедшим. Когда меня спрашивали, могу ли я готовить, то я отвечал «да». Когда меня спрашивали, могу ли я находиться совсем один, то я честно отвечал «нет», потому что я не могу ходить и плохо ориентируюсь в городе. Отвечал

я быстро и честно — мне тренинг в этом помог».

4. Уверенность в себе. Илья (24 года): *«На экспертизе мне особенно сложных вопросов не задавали. Но, если что, я знал, что могу и посложнее».*

5. Стремление к развитию. Нина (35 лет): *«Мне нравилось размышлять на разные темы тренинга. Нравилось делать домашние задания. Я чувствовала, что хочу развиваться».*

Некоторые участники отметили, что именно тренинг помог им в развитии способностей. Для других он оказался комфортной площадкой для раскрытия личных качеств. Участники подчеркнули важную роль поддержки со стороны ведущих тренинга и возникшее чувство групповой принадлежности. В ответах респондентов, получивших отказы судов, также отмечены попытки осмысления и рефлексии, но с неверными интерпретациями. Так, один участник думал, что эксперту не понравился его

ИЗНАЧАЛЬНО УЧАСТНИКИ ТРЕНИНГА, НЕДЕЕСПОСОБНЫЕ ЛЮДИ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ, ДЕМОНСТРИРОВАЛИ СУБЪЕКТНОСТЬ РАЗНОГО УРОВНЯ: ОТ АКТИВНОЙ ПОЗИЦИИ ДО ПОЛНОЙ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ЧУЖИХ РЕШЕНИЙ

ответ на вопрос о составе семьи, а второй был уверен, что эксперты его «завалили» на вопросе о политике. Такие важные характеристики субъектности, как самоопределение и способность быть автором изменений, появились в ответах информантов только на завершающий вопрос интервью, который касался их жизни после восстановления дееспособности.

Выводы

Изначально участники тренинга, недееспособные люди с психическими расстройствами и инвалидностью, демонстрировали субъектность разного уровня: от активной позиции до полной зависимости от чужих решений. Поддержка заинтересованных наставников играла важную роль в раскрытии потенциальной субъектности. Фрустрирующие факторы (чувство несвободы, ограничения) стимулировали желание восстановить дееспособность и участвовать в тренинге. Результаты судебных процессов по восстановлению дееспособности оказали значительное влияние на субъектность респондентов. Положительные решения привели к возникновению чувства автономии, избавлению от ограничений и построению осмысленных жизненных планов. Самостоятельность из цели превратилась в интериоризованную способность быть субъектом решений и деятельности. Даже отказы судов способствовали активизации субъектности участников, побуждая их к защите прав и обжалованию решений. У респондентов, получивших положительные решения судов, отмечены проявления рефлексии, саморегуляции, осознанности, уверенности и стремления к развитию. Некоторые связывали эти изменения с участием в тренинге, а другие благодаря ему получили возможность раскрытия личных качеств в комфортной групповой атмосфере с поддержкой ведущих. Важные аспекты субъектности — самодетерминация и способность быть автором изменений — проявились только после восстановления дееспособности. У респондентов, получивших отказы судов, также отмечена рефлексия, но с искаженными интерпретациями.

Заключение

Развитие субъектности людей с психическими расстройствами и инвалидностью является динамичным и многогранным процессом, зависящим как от личностных ресурсов, так и от внешней поддержки и социально-правового контекста. Встреча с наставниками, участие в социально-психологическом тренинге и восстановление дееспособности выступают ключевыми моментами, способствующими развитию автономии, осознанности и активной жизненной позиции. Результаты исследования подчеркивают необходимость интегрированного подхода, направленного на создание условий для самореализации и восстановления дееспособности лиц с психическими расстройствами, что способствует их социальной интеграции и улучшению качества жизни. Представляется целесообразным дальнейшее изучение субъектности людей с психическими расстройствами в контексте принятия важных жизненных решений и восстановления дееспособности с использованием количественных и качественных методов оценки.

Список источников

Асмолов, А. Г. (1996). Деятельность и установка. *Культурно-историческая психология и конструирование миров* (книга II). Издательство «Институт практической психологии», НПО «МОДЭК».

Батлер, Д. (2002). *Психика власти: теории субъекции*. ХЦГИ, Алетейя.

Глазунова, О. И., & Глебова, М. М. (2024). Проблемы диагностики субъектности в проектной группе. *Культурно-историческая психология*, 20(3), 99–108.

Зарецкий, В. К. (2024). Зона ближайшего развития: эволюция понятия. *Культурно-историческая психология*, 20(3), 45–57.

Леонтьев, А. Н. (2005). Деятельность. Сознание. *Личность: учебное пособие*. Смысл, Академия.

Николаев, В. Г. (2001). Гоффман Э. Моральная карьера душевнобольного пациента (перевод). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, 1, 100–141.EDN: BAZJDL

Панов, В. И., & Плаксина, И. В. (2023). Взаимосвязь стадий субъектности школьников 8–11 классов и экопсихологических типов взаимодействий с образовательной средой. *Социальная психология и общество*, 14(3), 118–135.

Поддяков, А. Н. (2006). Зоны развития, зоны противодействия и пространство ответственности. *Культурно-историческая психология*, 2, 68–69.

Рубинштейн, С. Л. (1986). Принцип творческой самодеятельности. *Вопросы психологии*, 4, 101–107.

Сас, Т. (2008). *Фабрика безумия*. Захаров.

Сидоренко, А. А. (2022). Занятия шахматами на основе рефлексивно–деятельностного подхода в контексте проблемы обретения дееспособности: случай из практики. *Консультативная психология и психотерапия*, 30(4), 76–96.

Слободчиков, В. И. (2010). *Антропологическая перспектива отечественного образования*. Информационно-издательский отдел Екатеринбургской епархии.

Таккуева, Е. В. (2023). Оценка эффективности интегративной программы мотивационного тренинга (ИПМТ) у больных шизофренией, проходящих лечение в стационаре психиатрической больницы, и у проживающих в ПНИ. *Консультативная психология и психотерапии*, 31(1), 31–57.

Фуко, М. (1996). Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. *Работы разных лет*. Касталь.

Фуко, М. (1997). *История безумия в классическую эпоху*. Университетская книга.

References

Bandura, A. (2001). Social Cognitive Theory: An Agentic Perspective. *Annual Review of Psychology*, 52, 1–26. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.1>

Barker, C. (2005). *Cultural Studies: Theory and Practice*. Sage.

Bronfenbrenner, U. (2009). *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Harvard University Press.

The Dynamics of Personal Agency among Participants in Social-psychological Training for Restoring Legal Capacity: Analysis of Interviews

Maria E. Sisneva
Expert, Regional non-profit social organization “Center for Curative Pedagogics “Special Childhood” ANO SPE EMC “Osoboe detstvo”; clinical psychologist (12/16, Bolshoy Savvinsky Ln., Moscow, Russian Federation, 119435), <https://orcid.org/0000-0003-0144-5792>, e-mail: msisneva@yandex.ru

ABSTRACT Protecting the rights and interests of individuals with mental disorders is crucial to their well-being and quality of life. However, their personal agency and self-determination remain under-researched. Exploring the phenomenon of «agency development» within the context of legal capacity restoration can significantly contribute to the existing body of knowledge. To this end, we conducted research analyzing interviews with individuals with mental disabilities who had participated in social-psychological training to prepare for legal capacity restoration and subsequently underwent court proceedings. This study included 15 participants, aged 24 to 69, diagnosed with schizophrenia spectrum disorders and intellectual disabilities. These individuals resided in various settings, including psychoneurological residential facilities, assisted living programs, and homes with relatives. All participants completed a social-psychological training program in 2023, and their subsequent legal proceedings have concluded. In-depth interviews were conducted to qualitatively assess the training's effectiveness. The resulting data enabled us to identify and describe the dynamics of the participants’ personal agency development. Prior to the training and legal proceedings, participants exhibited a spectrum of personal agency, ranging from active self-direction to complete reliance on others’ decisions. The support provided by mentors proved instrumental in unlocking their potential. Frustrating experiences served as a catalyst, strengthening their determination to regain legal capacity and actively engage in the training. The outcomes of the court proceedings significantly impacted their sense of agency; favorable decisions fostered a sense of self-efficacy and the ability to act as agents of their own lives, while unfavorable decisions spurred participants to defend their rights. Participants who successfully restored their legal capacity displayed heightened reflection, self-regulation, self-awareness, self-confidence, and a desire for continued growth. Several participants attributed these positive changes to the support they received and their participation in the training program. In contrast, participants who experienced court refusals exhibited a distorted sense of reflection. Ultimately, self-determination and the capacity to effect positive change in their lives were most evident following the restoration of legal capacity.

KEY WORDS mental disorders, personal agency, legal capacity, in-depth interview

TO CITE Sisneva, M. E. (2025). The Dynamics of Personal Agency among Participants in Social-psychological Training for Restoring Legal Capacity: Analysis of Interviews. *Educational Policy*, 22(3), 10–10

ACKNOWLEDGMENTS The work was carried out with the support of PJSC «Sberbank» (project “Scientific and Methodological Center») and Presidential Grants Fund.

© Pasternak N. A., 2025
Received: 12.07.2025
Accepted: 22.07.2025
Date of publication: 30.10.2025